

Максим Горький

Два босняка

Максим Горький

Два босняка

«Public Domain»

1894

Горький М.

Два босняка / М. Горький — «Public Domain», 1894

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1894, номер 212, 16 октября; номер 217, 22 октября; номер 219, 27 октября; номер 222, 30 октября. С этого рассказа начинается сотрудничество Горького в «Самарской газете». В собрания сочинений не включался. Печатается по тексту «Самарской газеты».

Содержание

Два босяка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Два босяка

очерк

В первый раз я их увидел в Севастополе. Из группы, человек в двадцать, «голодающих из России», явившихся к подрядчику-землекопу проситься на работы по выемке земли для какой-то канавы, резко выделялись две высокие худые фигуры, в которых с первого взгляда можно было узнать босяков и по костюмам, и по рисовке, и по той бесшабашной независимости, с которой они держались среди пришибленных голодающих, скучившихся на дворе подрядчика, сидевшего на резном крыльчке своего весёленького домика, кругом обсаженного тополями.

Сняв шапки, голодающие стояли понуро, говорили тихо и просительно, и из каждой складки их рваных армяков сияло печальное сознание беспомощности и той угнетённости духа, которая, подавляя человека, делает его каким-то деревянным автоматом, в одну секунду готовым подчиниться чужой воле.

С подрядчиком говорил низенький чернобородый мужик с жёлтым лицом и живыми, но подёрнутыми дымкой печали глазами.

Углы рта у него были опущены книзу, и к ним от переносья легли те две резкие морщины, которые придают такое характерное страдальческое и измождённое выражение лицам святых на иконах русской школы. Говорил он медленно и округлённо:

– Будь благодетелем, господин, возьми! Мы за всякую цену согласны, нам бы на кусок только, потому как больно уж мы ослабли животами!

Сзади его раздавались вздохи. Подрядчик, сырой и толстый человек средних лет, с болезненным лицом и серыми сощуренными глазами, задумчиво барабанил пальцами по своему животу и разглядывал артель.

– Возьми, сделай милость. Мы те в ножки поклонимся!.. – И мужик стал опускаться книзу.

– Ну, ну! Не надо, – сказал подрядчик, махнув рукой. – Ладно, беру. Всех беру. Полтина в день, харчи ваши...

Мужик почесался и, вздохнув, оглянул свою артель. У нескольких из его товарищей по грустным лицам прошла как бы неуловимая тень, и они тоже вздохнули. Чернобородый мужик крякнул и переступил с ноги на ногу.

– У тебя вон работают на твоих, харчах по шесть гривен... – робко заявил он.

– Ну? – строго спросил подрядчик.

– Ничего... мы бы не хуже...

– Не хуже! Знаю я. Те смоленские, исконные землекопы.

– Больше всё наши как будто...

– Какие это ваши?

– Самарски... пензенски, симб...

– А ты вот что: хошь работать, – иди и становись, а не хошь, – пошёл...

Ну? То-то! Иди... Сколько человек?

– Нас-то? Нас восемнадцать... А трое вон не наши... – мужик кивнул головой в сторону, где стоял я и двое босяков.

Подрядчик поднялся, поглядел на нас, и на его толстом лице появилась злая гримаса.

Щёки и губы дрогнули, он сжал кулак и, подняв его, закричал:

– Вы опять пришли, дьяволы? Ах ты!.. И скоро ли это вас в каторгу сошлют!

Где лопаты? Где кирки? Воры! Мерзавцы! Ведь кабы время мне, я бы вас усадил в одно место...

Один из босяков, пониже ростом, в рыжей шляпе без полей и бритый, передёрнул плечами и спокойно заявил:

– А ты, Сергейка, не лай... а то мы тебя прежде к мировому-то сведём за оскорбление словом. Вник? Лопаты!.. Кирки!.. Дура жирная. Ты видел, что мы твои лопаты взяли?

Подрядчик затопал ногами и закричал ещё громче:

– Вон, черти!.. Пшли! Гони их, ребята, всех троих! Гони!..

Ребята нерешительно посмотрели на нас и расступились. Другой босяк, в солдатской кепи старого образца, с сивой бородой, широкой и волнистой, и с чёрными, мрачными глазами, проговорил густо и звучно:

– Не дашь работы?

– Пошли! Иди вон!..

– Не ори, Сергейка, лопнешь! – посоветовал бритый. – Идём, Маслов!..

Его сивобородый товарищ круто повернулся и, важно покачиваясь, пошёл со двора.

Голодающие торопливо расступались перед его солидной и крупной фигурой.

Он смотрел куда-то вдаль, через и мимо коренастых приволжан.

– Ну, так прощай, Сергейка! Издохнешь ежели до встречи, всё равно – я тебе и на том свете трёпку дам!..

Он тоже пошёл со двора, а я отправился за ними, идя сзади их.

Маслов был одет в синюю кретоновую блузу и штаны из бумазеи, а его товарищ – в белую некогда, а теперь серую от грязи, короткую поварскую курточку, надетую прямо на голое тело, и в новенькие клетчатые серые брюки.

– Вот мы, Миша, и опять ни при чём. Не везёт, хвост те на голову! Надо нам из этой дыры вон... а? – заговорил бритый.

– Пойдём... Куда? – ответил и спросил товарищ.

– Как куда? Куда хотим. Все пути-дороги нам открыты. Куда желаем, туда и дёрнем. В Астрахань, примерно... А по дороге на Кубань... Теперь там скоро молотьба.

– А по дороге в Архангельск... Теперь там скоро зима... Может, и...

– Сдохнем от мороза? Бывает. Но только ты не вскисай. Нехорошо с такой-то бородащей!..

– Ничего у нас нет?

– То есть это насчёт еды? Чистота!..

– Как же?

– Не знаю. Надо поискать... Ежели бог не выдаст, то свинья не съест!..

Лучше мы её!..

Товарищи замолчали. Бритый шёл, посвистывая и заложив руки за спину. Его товарищ одной рукой гладил бороду, а другую засунул за пояс штанов.

– Серёжка-то расхотелся как!.. Не может... про лопаты... Вот бы теперь нам лопату! Можно бы ей пятака три-четыре загрести. «Вон!» – говорит... И того выгнал из-за нас... Длинный тут стоял такой, видел ты?

– Вон он сзади идёт... – не оборачиваясь, сказал Маслов.

Без сомнения, и его товарищ знал, что я иду на два шага сзади его; он не мог не слышать стука моей палки по панели и моих шагов, но, очевидно, ему почему-то не нужно было показывать это мне.

– А!.. – воскликнул он, оглядываясь и разом смерив меня подозрительным и пытливым взглядом насмешливых карих глаз. – Что, брат, прогнали? Из-за нас это.

Откуда?

Я сказал откуда.

Бритый пошёл рядом со мной и первым делом бесцеремонно ощупал мою котомку.

– А ведь у тебя есть хлеб! – сделал он открытие. Маслов тоже остановился и тоже недоверчиво смерил меня своими мрачными глазами.

– Есть! – сказал я. – И деньги есть.

– И деньги! – изумился бритый. – Много денег?

– Восемьдесят четыре копейки! – гордо сообщил я.

– Дай мне двугривенный! – решительно сказал Маслов и положил мне на плечо свою мохнатую, тяжёлую руку, не сводя с меня своих глаз, загоревшихся жадным огоньком.

– Давайте пойдём все вместе! – предложил я.

– Идёт! – крикнул бритый. – Аи да ты! Славно!.. Молодец!.. Только вот что скажи мне: деньги у тебя есть, хлеб есть...

– Ещё хохлацкого сала два фунта! – постепенно возвышал я себя в глазах новых знакомых.

Маслов довольно засмеялся и с твёрдой уверенностью сказал:

– Всё съедим, до крошки!

– Дв-ва ф-фунта сала!.. – изумился бритый. – И ты пришёл к Серёжке на работу наниматься со всем этим, а?!.

– Ну? – спросил я, не понимая, в чём дело.

– Да зачем? Ведь у тебя харч есть, деньги есть! Али ты дом каменный хочешь строить? Тьфу!.. Кабы нам столько... Сейчас бы в трактир. Чаю! Бутылку! Калача!..

Тррр!..

Через час от моих капиталов оставалось только одно приятное ощущение живительной теплоты в желудке и лёгонький туман в голове. Мы сидели в закопчённом трактире.

Кругом нас колыхался тяжёлый, опьяняющий шум и облака табачного дыма, а в раскрытые окна мы видели море, синее и блестящее на солнце.

Маслов смотрел на него, а бритый, которого звали Степок, положив локти на стол, разговаривал со мной. Переговорив о многом материальном, мы говорили уже о душе, и Степок развивал предо мной свои взгляды по этому вопросу.

– Я, брат, думаю, что душа бывает разная. Как жизнь на неё дохнёт, – вот в чём дело. Дохнёт ласково, – душа ничего, весёлая, светлая, а ежели дохнёт сентябрём, – душа будет тусклая, дряблая. Человек тут ни при чём. Он что может? Он растёт себе, и душа растёт. вот он, примерно, дорос до двадцати годов... Тут смотри в оба, коли хочешь сам себе атаманом быть. В это время душа чуткая... как струна. Терпи, значит... не давай ей дребезжать от всякой малости... держи себя в руках. Не сумел – шабаш!

Сейчас тебя или в комок сожмёт, или во все четыре стороны потащит... рвать будет на части... понял? Потому жизнь – как машина, – ходи осторожно... тут – колёсики с крючочками, там – зубчики остренькие, тут разные пудовые тютти летают... Поглядывай, не зевай, а то шкуру изорвёшь и кости изломаешь. А без футляра душе невозможно... как частному приставу без канцелярии.

Закончив таким образным сравнением своё, Степок дёрнул товарища за блузу и обратился к нему:

– Миша! Как же, на Кубань, что ли? Здесь нам не будет фарту, очень уж мы у всех в зубах навязли...

– Идём. Я люблю ходить... – не оборачиваясь, сказал Маслов.

– Зна-аю! Значит, – идём?! Важно! Друг, ты как? Идёшь с нами? – обратился ко мне Степок.

– Я туда и иду.

– Туда? Ну вот, превосходно! Значит, втроём. Ловко! Деньжищ заробим – мешок! И потом у меня там субботница одна черноглазая есть...

– Сектантка? – спросил я.

– Истинно! староверка... замуж вышла, а всё по-старому меня любит...

– А я думал, в самом деле субботница... – сказал я.

– Вот те крест, правда! – побожился Степок. – Всегда она меня по субботам ночевать к себе водит... – И он смеялся.

Маслов всё смотрел в даль моря, облокотясь на подоконник. Волосы у него были длинные, до плеч, и это, вместе с блузой, делало его похожим на художника.

Ещё через час мы уже шагали по дороге к Ялте, решив идти до Керчи берегом.

Когда село солнце, мы остановились на ночёвку, выбрав себе славную нишу в горе, завешенную естественным драпри из зелени кустарников, росших перед входом в эту нишу, как бы специально предназначенную ласковой природой Крыма для ночлегов бродяг. Судя по куче листьев, насланных в ней, и по остаткам костра, мы были тут не первыми гостями.

Степок по дороге наполнил свои карманы яблоками и грушами, и даже, отбежав от нас на полчаса, достал каким-то таинственным способом большую ковригу пшеничного хлеба. Теперь он растянулся под кустами и весело уничтожал яблоки, гримасничая, как обезьяна, что очень шло к его шероховатой, неправильной физиономии, поросшей густой щетиной. Маслов молча собирал сучья. Я невдалеке открыл ручей и умывался ледяной водой.

Вокруг нас от деревьев ложились узорчатые тени...

– Ты что, костёр хочешь? – спросил Степок товарища.

– Да...

– Ведь тепло...

– Холодно будет ночью.

– Ну, действуй...

Маслов скрывался и появлялся с громадными охапками мелкого валежника. Вспыхнул костёр. Сырая тьма, наполнявшая наше помещение, дрогнула и густыми тенями стала ползать по камням то вверх, то вниз.

Маслов молчал и улыбался, глядя в костёр.

– Теперь мы вроде как разбойники! – вдруг произнёс он.

Я взглянул на него и изумился. Он гораздо более походил на замечтавшегося ребёнка, чем на разбойника. Его чёрные глаза уже не были мрачны, и хотя были глубоки, но в них светило только ласковое добродушие и что-то очень печальное. Морщины от улыбки сделали его овальное лицо круглее и сгладили неприятную надутую мину, раньше портившую это лицо, довольно ещё свежее и благообразное, несмотря на отёки под глазами и красные жилки, выступавшие сквозь густой загар кожи щёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.